

УДК 821.161.1.09-1

**«МИТЬКА-КОСМОНАВТ» И. КАБЫШ:
К АНАЛИЗУ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ**

А. Г. Степанов

Тверской государственной университет
кафедра теории литературы

Дается анализ произведения Инны Кабыш с учетом его версификационного статуса, равноправия культурных кодов, соотношения персонажей, архетипических мотивов, особенностей языка. Цель статьи – рассмотреть, как бытовое содержание текста преобразуется в поэтический смысл.

Ключевые слова: поэтика, имманентный анализ, структура текста, верлибр.

В своих представлениях о поэзии большинство из нас исходит из формулы С. Кольриджа – «лучшие слова в лучшем порядке» (“...Poetry – the best words in their best order”) [11, p. 76]. В этом определении нет ничего обидного для прозы, которая также избирательна к словам. Но от стихов мы ожидаем большего: их форма не дает забыть, что перед нами искусство, а искусство должно волновать. Вместе с тем есть стихи, трудно отличимые от прозы по форме и по материалу. Они понятны настолько, что не требуют пересказа [1] или интерпретации, разъясняющей «трудные» места. В них важно другое: как они «сделаны», чтобы, несмотря на бытовое содержание, оставаться поэзией. Анализ и восприятие стихов – разные вещи. Но исследуя художественный текст, я хочу понять не только его устройство, но и причины воздействия на меня. Для этого нет необходимости привлекать биографические сведения об авторе, обстоятельства написания или литературный контекст. Достаточно рассмотреть произведение «имманентно», то есть не выходя за пределы того, о чем говорится в тексте.

Среди стихотворений И. Кабыш о детях и о детстве «Митька-космонавт» (2002) (первая публикация – в 2003 г. [2]) выделяется особой горечью тона на фоне спокойно-безыскусного повествования. Казалось бы, текст лежит по ту сторону поэзии: ни содержание, ни язык с ней никак не связаны. Стихи растут из сора, или в буквальном смысле из грязи:

- А молока у вашей соседки купить можно? –
спрашиваю я у Митькиной бабушки.
– Не... У ней корова утонула.
– Господи! Где это она, у вас же и речки нет?
– А в грязи.
– В грязи?!
– Ну. За домом.
– ???
– А где ваш Яша?

– Зарезали. Поминки по деду зимой делали –
и зарезали... Хороший был. Да ты попробуй! [3, с. 395]

Как видно из записи текста, это не проза. «Тогда стихи», – уверенно скажет студент-филолог. Другой читатель засомневается и будет, по-своему, прав. В стихах Маяковского он отчетливо слышит акцентный ритм, менее отчетливо – рифму. Этого достаточно, чтобы строка, не дойдя до края страницы, вернулась к своему началу. А в «Митьке-космонавте» текст членится на речевые отрезки «где придется», в 10% случаев достигая поля страницы. (В журнальной публикации этот процент строк ниже из-за более широких, чем в книге, размеров полосы.) Длина строк варьируется от одного фонетического слова до восьми, а в типографских знаках (включая пробелы) – от 5 («– ???») до 58 («часов пять, он посмотрел на небо, прищурился и спрашивает» [3, с. 395]). (В журнальной версии разница еще больше: от одного фонетического слова до девяти, а в типографских знаках – от 5 до 83.) Несмотря на такое различие в длине строк [10], они воспринимаются как варианты общего инварианта, благодаря самому факту деления текста на строки (к стихотворным текстам он относится и с учетом «внешних» факторов, «возбуждающих» ритмическую инерцию [9, с. 146–150]). Произведение Кабыш – это верлибр «удлиненного» типа с ощутимым присутствием эпического начала. Для него характерны «большие речевые периоды, “индуктивный” характер рассуждения» [7, с. 90]. Стихотворение строится на фрагментарности описания мира, но, в отличие от классического образца свободного стиха У. Уитмена, содержит более выраженную нарративность и лишено господства перечислительной интонации, тяготеющей к так называемым каталогам образов [7, с. 90]. Помимо сегментации с дифференцирующей конфигурацией строк «Митька-космонавт» обладает композиционно-речевым членением, мотивированным сменой точки зрения. Оно маркируется пробелами (16 на 158 строк), которые указывают на изменение субъекта речи, пространственно-временных планов, фразеологии и т.д. Текст состоит из 17 частей разного объема (от одной до 25 строк) (графический облик текста в книжной и журнальной версиях имеет незначительные расхождения, которыми здесь можно пренебречь.) Этот композиционный принцип позволяет видеть в нем аналог строфической упорядоченности. Таковы формально-содержательные особенности текста.

Есть и другие. Например, равноправие культурных кодов. Главные персонажи – ребенок и пожилая женщина. Возникает, по сути, мифологическая ситуация: дана история человеческого рода, воплощенная в героях, символизирующих обновление и угасание жизни. К мифологическим мотивам можно отнести удвоение имени, призванное сохранить память о предке (ср.: «...если нельзя вернуть человека, можно повторить ИМЯ (выделено авт. – А. С.)» [3, с. 407; 4, с. 17]). Но реализация этого мотива граничит с абсурдом, потому что имя достается не человеку, а борову, выращенному на убой: «Митькина бабушка режет сало, // наливает в чашку самогонки, ещё тёплой... //– Я всё хотела спросить, почему вы его Яшей назвали? //– А как? У нас и дед, Царствие ему Небесное, был Яша... // Митькина бабушка пьет, закусывает Яшей» [3, с. 395].

Важную роль играет контаминация *мифов*, например, в сцене возвращения Митькиного отца. Создаваемый ребенком портрет героя-танкиста и его верной подруги (матери мальчика) строится на совмещении визуальных образов (кадры из фильмов о Великой Отечественной войне) с речевыми формулами из русской народной сказки: «...Папка приехал с войны на танке. // Подъехал к забору, а танк в калитку не проходит, тогда он // вылез из люка и свистнул. А мамка дома была, полы мыла: // платье подоткнула и моет. // Услышала она свист, выглянула в окно да как закричит: // «Живой!» // Платье выткнула, фату перед зеркалом прицепила – // и бегом к папке. // А он ей цветами из танка машет. // Залезла она к нему в кабину, и поехали они жениться...» [3, с. 395–396].

Текст представляет собой систему идиолектов, цитат, стилевых регистров, культурных кодов. В основе разноречия не игра с традицией, а внимание к «маленьким людям», среди которых автор больше всего любит стариков и детей.

Стихотворение разворачивается по тесным словесным ассоциациям, вызывающим ассоциации культурного порядка. Зачином становятся слова о неурожайности почвы («– А чего его сажать, оно всё одно не растёт: // картошка не растёт, моркошка не растёт...»). «Не растёт» относится и к Митьке («такой же, что и год назад»), чей облик, «вытянутые на коленях колготки, // будёновка на рыжей голове», – эмблема безотцовщины. («Безотцовщина» – раздел книги, в который входит «Митька-космонавт».) Русская земля как «зона неустойчивого земледелия» наделяется символическим смыслом: Россия – это место, где жизни нет (ср. с финалом стихотворения: «“Митька-а!.. <...> Ну как там на Марсе? Есть жизнь?” <...> “Тоже нет...”»). Зато есть смерть, привычная и будничная, как имя Яша у поросенка. А невинная детская дразнилка оборачивается трагическим смыслом:

*Рыжий, рыжий, конопатый
убил дедушку лопатой...*

– Ничего я не убил – он сам удавился.

Вот тут... – Митька влезает на табурет

и показывает большой гвоздь, вбитый насмерть...

(выделено авт. – А. С.) [3, с. 394]

За полгода до самоубийства деда умирает Митькин отец. Вопреки обыденной логике, его жизнь обрывается дома, а не в мятежной Чечне:

– Я за хлебом ходила. Возвращаюсь – дома запах, как в аптеке,

сын лежит на полу, а рядом осколки: сердце лопнуло...

Я – уже после похорон – спрашиваю деда...

<...>

«Как же это? С войны живой пришёл, а дома помер?»

А дед говорит: «На войне у него танк был...» [3, с. 397]

Эта негероическая смерть может интерпретироваться по-разному: мифопоэтически и социально. Танк не просто физическая защита, броня; он помощник и друг (как сказочные Серый Волк или Сивка-Бурка). Любимая

машина – смысл существования для механика, который умирает оттого, что в деревне кончилась механизация.

Впервые танк возникает при упоминании фотографии Митькиных родителей. На ней образ советско-российской семьи – «жених и невеста с цветами // возле танка на постаменте» (ср.: «У меня и сейчас при слове “военно-патриотический” перед глазами встает исключительно танк на постаменте» [4, с. 39]). С танком связаны и воспоминания об отдыхе молодоженов:

– Поехали они с его матерью, –
она кивает на Митьку, –
после свадьбы на море.

Через месяц возвращаются.

Я спрашиваю: «Ну как там на море, сынок?»

А он улыбается и говорит: «Как в танке...» [3, с. 396]

Контаминация двух эпизодов – Митькиного, где боевая машина превращается в свадебный экипаж, и бабушкиного (отдых «как в танке...») – дает литературную версию того, что было «на самом деле»:

...Они сбежали с собственной свадьбы.

Сели в танк, потому что на поезде было слишком дорого,
и поехали на море.

Но до моря не доехали:

остановились за деревней, у леса,

и так, не выходя из танка,

провели медовый месяц.

А меньше чем через год родился Митька [3, с. 396].

Танк становится источником жизни, а зачатый в нем Митька измеряет габаритами машины не только бытовое пространство («танк в калитку не проходит»), но само мироздание. Отсюда представление ребенка о Небесных вратах как о чем-то конкретном, обладающем размерами: «Как ты думаешь, бабушка, прошёл папка в Ворота Вечности?» // «Конечно, говорю, он же воин, танкист...» – // а у самой ком в горле. // А Митька усмехнулся, грустно так, как бывало, отец, // и говорит: // «А если они не шире нашей калитки?...» [3, с. 398]

Если космос воспринимается Митькой по аналогии с обыденным пространством (дом, двор, калитка), то справедливо и обратное – дом уподобляется космосу. Об этом можно судить по отношению к вещам, которые «здесь были навсегда»:

Печку не топят: в доме газ, –

но и не ломают:

газ – вещь государственная, а стало быть, ненадёжная:

сегодня есть, а завтра отключат за долги,

а лес – куда он денется...

К тому же – в любом случае – на печке можно спать.

Ну а телевизор?

Он же не показывает:

Ни Митька, ни Митькина бабушка не помнят,

чтобы он когда-нибудь работал.

– Да выбросьте вы этот телевизор! Зачем он вам?

– А герань ставить? [3, с. 397]

Герою-перебежчиком, утратившим связь с домом, оказывается мать мальчика: «в город подалась. Не могу, – говорит, – здесь... // Оно понятно: // Муж умер, свёкор повесился...» [3, с. 397]. Ее судьба представлена фразеологизмом, стилистика которого точно передает семантику («Мотается с горя // по мужикам...»). Кабыш «не щадит» женский образ, отказывая ему в традиционных для русской героини душевности и готовности к самопожертвованию:

А тут приехала, напилась и давай:

«Продам я этот проклятый дом. Сейчас новые русские кругом участки под свои коттеджи скупают...»

«А нас куда?» – спрашиваю.

«А с вами вместе», – орёт.

А Митька ей:

«Ты тогда будешь невеста без места».

А она вскочила:

«Это ты у меня сейчас будешь без места!..» –
хватить веник и ну лупить ребенка.

А он... [3, с. 398–399]

Произведение содержит не только зачин-пролог, но и эпилог. Он подчеркнуто иллюзорен. Из детского набора «Сделай сам» Митька построит космический корабль и улетит с бабушкой на Марс. В корабле он будет расти «не по дням, а по часам» и, ступив на планету, появится на экране телевизора с геранью: «Митька-а!.. – закричу я в трубку игрушечного телефона. – // Ну как там на Марсе? Есть жизнь?» // Высокий, стройный, золотоволосый Митька улыбнётся // грустной отцовской улыбкой // и ответит: // «Тоже нет...» [3, с. 399]

И тогда останется одно – забрать Митьку и его бабушку из мира, где они никому не нужны, в поэтическую реальность:

«А можно, я возьму вас с бабушкой в литературу? Надо же вам где-нибудь жить...»

И Митька подумает и спросит:

«А там – как?»

И я с лёгким сердцем отвечу:

«Как в танке» [3, с. 399].

Выражение «как в танке» на протяжении текста варьирует свою семантику. Здесь оно произносится «легко», потому что литература и поэзия в частности, из какого бы сора они ни росли, создают собственную реальность. А раз так, то ответ И. Кабыш при всей его утопичности вселяет надежду. Потому что тот, кто в танке, ничего не боится («Прочь от калитки моей, // родина!..» [3, с. 91]), потому что он у себя дома (экипаж – одна семья) и еще потому, что оказаться в танке мечтает каждый мальчишка.

«Митька-космонавт» состоит из обыденных слов и выражений. Но это не естественный язык, а его поэтическая модель, забыть о которой не позволяет форма верлибра. С одной стороны, она создает ощущение безыскусности рассказа (отказ от носителей ритма – показатель

«достоверности» истории), а с другой – выступает знаком актуальной поэзии, где велика доля «органического стиха». Верлибр – наиболее интенсивная в плане восприятия версификационная форма [5; 6, с. 673–683; 8, с. 387–409]. Основанная на минимальном количестве ритмических признаков, она противостоит метрической избыточности регулярного стиха интонационной гибкостью речевого движения. Отсюда проникновенность не лучших, но единственных слов, составивших рассказ о Митьке и его бабушке.

Список литературы

1. Гаспаров, М. Л. «Сестра моя – жизнь» Бориса Пастернака. Сверка понимания [Текст] / М. Л. Гаспаров. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2008. – 186 с.
2. Кабыш, И. Милька-космонавт: стихи [Текст] / И. Кабыш // Дружба народов. – 2003. – № 3. – С. 62–64.
3. Кабыш, И. Невеста без места [Текст] / И. Кабыш. – М. : Время, 2008. – 408 с.: ил.
4. Кабыш, И. Переходный возраст [Текст] / И. Кабыш. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 301 [3] с.: ил.
5. Куприянов, В. К вопросу о русском верлибре [Электронный ресурс] / В. Куприянов. – Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2009/04/07/2978>. – Дата обращения: 27.03.2013. – Загл. с экрана.
6. Орлицкий, Ю. Б. Динамика стиха и прозы в русской словесности [Текст] / Ю. Б. Орлицкий. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2008. – 845 с.
7. Орлицкий, Ю. Б. Стих и проза в русской литературе: очерки истории и теории [Текст] / Ю. Б. Орлицкий. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. – 200 с.
8. Орлицкий, Ю. Б. Стих и проза в русской литературе [Текст] / Ю. Б. Орлицкий. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002. – 685 с.
9. Червенка, М. Принцип свободного стиха [Текст] / М. Червенка // Смысл и стих: тр. по поэтике / М. Червенка. – М. : Языки славянской культуры, 2011. – С. 142–157.
10. Шапир, М. И. О пределах длины стиха в верлибре (Д. А. Пригов и другие) [Текст] / М. И. Шапир // Philologica. – 1999/2000. – Т. 6. – № 14/16. – С. 117–137.
11. Coleridge, S. T. Specimens of the Table Talk of the Late Samuel Taylor Coleridge [Текст] : in 2 vol. / S. T. Coleridge ; ed. H. N. Coleridge. – New York : Publ. by Harper & Brothers, 1835. – Vol. 1. – 168 p.

“MIT’KA-ASTRONAUT” BY INNA KABYSH: TO THE ANALYSIS OF ONE POEM

A. G. Stepanov

Tver State University
The department of theory of literature

Inna Kabysh’s work is analyzed with a special emphasis on its versification status, the cultural codes’ equality, the correlation of the characters, the archetypal motifs, as well as the language characteristics. The purpose of the article is to define the way the everyday content of the text is being transferred into the poetic sense.

Keywords: *poetics, immanent analysis, the structure of the text, free verse.*

Об авторе:

СТЕПАНОВ Александр Геннадьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории литературы Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: poetics@yandex.ru

Научная библиотека ТвГУ